

12. Miéville C. Tolkien Criticism. URL: <https://www.goodreads.com/quotes/279616-when-people-dis-fantasy-mainstream-readers-and-sf-readers-alike-they-are> (accessed: 19.07.19).
13. Miéville C. Skewing the Picture : blog. URL: <https://chinamiéville.net/post/173542023303/skewing-the-picture> (accessed: 19.07.19).
14. Miéville C. Embassytown : ebook. London : Pan Macmillan, 2011. 432 p.
15. Флоренский П.А. Обратная перспектива. *Флоренский П.А., священник*. Москва : Мысль, 1999. Т. 3 (1). С. 46–98. URL: http://philologos.narod.ru/florensky/fl_persp.htm (дата обращения: 19.07.2019)
16. Marshall H. The State of Weird: An Introduction to Year's Best Weird Fiction, Volume 4. *Weird Fiction Review*. URL: <http://weirdfictionreview.com/2017/11/the-state-of-weird/> (accessed: 19.07.2019).
17. Apocalypse. *Online Etymology Dictionary* / ed. by D. Harper. URL: <https://www.etymonline.com/word/apocalypse> (accessed: 19.07.2019).
18. VanderMeer J. Veniss Underground : ebook. London : Pan Macmillan, 2014. 400 p.
19. Пави П. Словарь театра / пер. с фр. Л. Баженова, И. Бахта, О. Васильева, А. Горячев, С. Иванов, Е. Разогова, В. Стариков. Москва : Прогресс, 1991. 504 с.

УДК 811

DOI <https://doi.org/10.32782/tps2663-4880/2019.10-2.25>

МИСТИКО-МИФИЧЕСКАЯ СУТЬ РОМАНА «ДОЛИНА КУДЕСНИКОВ» КЯМАЛА АБДУЛЛЫ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОЯВЛЕНИЯ

МІСТИКО-МІФІЧНА СУТЬ РОМАНУ «ДОЛИНА ЧАРІВНИКІВ» КЯМАЛА АБДУЛЛИ ТА ОСОБЛИВОСТІ ЇЇ ХУДОЖНЬОГО ПРОЯВУ

MYSTICO-MYTHICAL ESSENCE OF THE NOVEL “VALLEY OF KUDELLES” KYAMAL ABDULLA AND THE FEATURES OF ITS ARTISTIC MANIFESTATION

Караев Садиг Заман,

orcid.org/0000-0003-2582-7509

*преподаватель кафедры азербайджанского языка и литературы
Азербайджанского университета*

Академик Кямал Абдулла, заслуженный деятель науки, писатель-новатор, объединил в своем творчестве прогрессивные идеи западной эстетической мысли и национальные художественные традиции. Эти новаторские особенности достигают своей наивысшей точки в романах писателя. Плоды прозаического творчества Кямала Абдуллы «Неоконченная рукопись», «Долина кудесников» и «И некого забывать...» являются ценными образцами художественного искусства, которые входят в круг интересов не только азербайджанского читателя, но и мировой читательской аудитории. На первоначальном этапе культуры миф был основным средством раскрытия тайн реальности. В культуре общества с увеличением научных открытий модель мифологического мира уходила в историю. На последующих этапах развития рациональных наук одно время идея невидимости, сформированная в мифологии, в структуре первобытной культуры стала восприниматься как архаичная фантазия. Несмотря на то, что в романе «Долина кудесников» нет всех черт, характерных для шаманизма, здесь привлекают внимание интересные элементы, связанные с шаманской моделью мира, шаманскими обрядами. Связанные с шаманством указанные моменты в романе реализуются через образ волшебника Сяйаха, ученого-психолога. Представитель суфийско-дервишского мировоззрения, этот персонаж, как религиозно-мифологический образ, не остается верным своим первоначальным функциям, отдаляется от сути мифического мировоззрения. Его способность входить в связь с духами во время экстаза, знания, связанные с духами, придают этому архетипичному образу новые элементы и тем самым усиливают положение шаманской модели мира в художественном осмыслении. Произведение, полное магических, волшебных и мистических событий, применение здесь принципа имянаречения, вытекающего из основной идеи романа, привлекает внимание мифологическим замыслом и его художественным воплощением.

Ключевые слова: азербайджанская проза, Кямал Абдулла, роман-фантазия, мифопоэтический образ, мистико-мифический контекст.

Академік Кямал Абдулла, заслужений діяч науки, письменник-новатор, об'єднав у своїй творчості прогресивні ідеї західної естетичної думки і національні художні традиції. Ці новаторські особливості сягають своєї найвищої точки в романах письменника. Плоди прозової творчості Кямал Абдулли «Незакінчений рукопис», «Долина чарівників» і «І нікого забувати ...» є цінними зразками художнього мистецтва, які входять у коло інтересів не тільки азербайджанського читача, а й світової читацької аудиторії. На початковому етапі культури миф був основним засобом

розкриття таємниць реальності. У культурі суспільства зі збільшенням наукових відкриттів модель міфологічного світу пішла в історію. На наступних етапах розвитку раціональних наук свого часу ідея невидимості, сформована в міфології, в структурі первісної культури стала сприйматися як архаїчна фантазія. Незважаючи на те, що в романі «Долина чарівників» немає всіх рис, характерних для шаманізму, тут привертають увагу цікаві елементи, пов'язані з шаманською моделлю світу, шаманськими обрядами. Пов'язані з шаманством зазначені моменти в романі реалізуються через образ чарівника Сяйаха, вченого-психолога. Представник суфійсько-дервішського світогляду, цей персонаж як релігійно-міфологічний образ не залишається вірним своїм початковим функціям, віддаляється від суті міфічного світогляду. Його здатність входити у зв'язок із духами під час екстазу, знання, пов'язані з духами, надають цьому архетипічному образу нових елементів і тим самим посилюють положення шаманської моделі світу в художньому осмисленні. Твір, сповнений магічних, чарівних і містичних подій, застосування тут принципу іменаречення, що впливає з основної ідеї роману, привертає увагу міфологічним задумом і його художнім втіленням.

Ключові слова: азербайджанська проза, Кямал Абдулла, роман-фантазія, міфопоетичний образ, містико-міфічний контекст.

Academician Kyamal Abdullah, Honored Scientist, an innovative writer, combined in his work the progressive ideas of Western aesthetic thought and national artistic traditions. These innovative features reach their highest point in the novels of the writer. The fruits of the prosaic work of Kamala Abdullah "Unfinished Manuscript", "Valley of the Magicians" and "And no one to forget..." are valuable examples of artistic art that are in the interests of not only the Azerbaijani reader, but also the global readership. At the initial stage of culture, myth was the main means of revealing the secrets of reality. In the culture of society with the increase of scientific discoveries, the model of the mythological world went down in history. At the subsequent stages of the development of the rational sciences, at one time the idea of invisibility, formed in mythology, in the structure of primitive culture began to be perceived as an archaic fantasy. Despite the fact that in the novel "The Valley of the Wizards" there are not all the features characteristic of shamanism, interesting elements that are associated with the shamanic model of the world, shamanistic rituals, attract attention. The mentioned moments in the novel connected with shamanism are realized through the image of the wizard Sayah the scientist-psychologist. The representative of the Sufi-dervish worldview, this character, as a religious-mythological image, does not remain true to its original functions, moves away from the essence of the mythical worldview. His ability to communicate with spirits during ecstasy, the knowledge associated with spirits, gives this archetypal image new elements, and thereby strengthens the position of the shamanic model of the world in artistic understanding. The work, full of magical, magical and mystical events, the application here of the principle of naming, arising from the main idea of the novel, attracts attention with its mythological design and its artistic embodiment.

Key words: Azerbaijani prose, Kyamal Abdullah, novel-fantasy, mythopoetic image, mystic-mythical context.

Постановка проблеми. Роман Кямала Абдуллы «Долина кудесников», в котором в художественной форме философски описываются перипетии реальной жизни, личных и общественных отношений, привлекает внимание читателей и критиков своим мифо-философским содержанием. Уже мистическая сущность названия романа указывает на содержательную суть: «У каждой ночи было свое название, эти названия каждое утро придумывал верный человек, караванбаши Хаджи Ибрагим. Известные только людям каравана эти названия сохраняли от опасностей в этой длинной и страшной дороге» [1, с. 10]. В романе образы (волшебника Сяйаха) зимой вместо одежды надевали на себя свои имена. Здесь наименованию подлежат и встречи: «название встречи «Добро пожаловать», «милости прошу» между Белым дервишем и волшебником Сяйахом является знаком того, что в прошлом мюридско-муршидские отношения были вызваны добрыми намерениями».

Современная художественная литература под влиянием особенностей восприятия мира (единство и взаимозависимость, глобализация, информационная насыщенность и многообразие способов ее восприятия, техногенность окружающей среды, антропогенный характер ее восприятия и т.д., утрата прежних ценностных ориентиров,

новые подходы в мышлении и осмыслении мира, в творческом воображении) становится ареной нового всплеска творческого воображения, открывающего широкие возможности мифотворчества, вплоть до мистических откровений.

Анализ последних исследований и публикаций. Существующие в произведении магические элементы, проявляя себя в жанровой конструкции романа, становятся причиной типологического разнообразия. Автор определяет жанр произведения как роман-фантазия. К. Рустам оценивает роман как «серьезный образец спиритуального романа в азербайджанской литературе» [2, с. 92]. О жанровом разнообразии романа С. Шарифова пишет: «Долина кудесников» включает в себе «общечеловеческий» и вневременной подтекст, что позволяет назвать это произведение романом-притчей» [3, с. 37]. Э. Гарагёзова же из-за преобладания в романе многочисленных магических элементов, таких как волшебные, мистические события, случаи реинкарнации души, характеризует «Долину кудесников» как роман, написанный в жанре магического реализма. Также отмечается, что такие произведения ведут к формированию в национальной литературе жанра магического реализма [4, с. 801]. Общая оценка романа основана на подтверждении его мифопоэтического содержания. Вместе с тем нами предполагается

анализ некоторых мотивов, наиболее ярко характеризующих это содержание.

Постановка задания. Цель статьи – показать особенности художественного восприятия автором окружающего социального мира, в частности через магию и фантазию, на основе примеров и анализа конструктивных особенностей и средств художественной выразительности.

Изложение основного материала.

Сформированный в мифопоэтическом воображении мотив невидимости (исчезновения) в новом мистико-философском контексте.

Еще с древних времен представители общества знали о способности некоторых существ, в том числе сверхъестественных сил, быть невидимыми. Сформированные в мировоззрении предков, эти знания в то же время сподвигли на мечту быть невидимым; во всех мифах и легендах появилось мифическое понимание об артефактах с магическими особенностями – шапкой-невидимкой и плащом-невидимкой. Волшебное свойство шапки-невидимки в сложных ситуациях использовали не только герои сказок, но и известные образы греческой мифологии: по приказу Зевса Аиду, отпустившему циклопов, была подарена шапка-невидимка. Зевс использовал шапку-невидимку в борьбе с титанами, а его сын Персей – в битве с Медузой Горгоной. В древнегреческой мифологии богиня мудрости, военной стратегии и тактики Афина благодаря силе шапки-невидимки помогла Диомеду. Таким образом, идея невидимости долгое время была важной частью генезиса мифологической мысли, и во время гегемонии мифопоэтической системы мышления человечество всегда верило в магию мистических объектов, которые невидимы для окружающих.

Современная наука, вступая в диалог с мифологией, делает попытки раскрытия секретов мира, и фантазии, сформированные в модели мифопоэтического мышления, сбываются. В информационный век гегемонии высоких технологий реализация фантазии невидимости, как и многие модели мифологического мышления, актуализируется, становится объектом изучения в различных областях современной квантовой физики, в нанотехнологии. Известный американский физик японского происхождения Митио Каку (1947), основываясь на высоких достижениях научно-технического прогресса, прогнозирует, что в XXI в. наряду с путешествиями к дальним звездам, установлением связей с неземной цивилизацией, чтением мыслей на научной основе будет реализована идея невидимости [5].

Мотив невидимости, сформированный в первобытном мировоззрении, прежде чем стать объектом исследования в современной квантовой физике, приблизительно за век до этого получает свое осмысление в художественной форме. Этот мифологический контекст в основном проявляется в научно-фантастических произведениях, в частности, одним из таких произведений является известный роман Герберта Уэллса (1866–1946) «Человек невидимка», который, как классический образец, и в настоящее время выделяется своими художественными ценностями.

Сейчас интенсивное обращение западных писателей-фантастов к акту невидимости обогащается новыми формами и содержательными компонентами, в художественной фантастике наблюдаются серьезные изменения. Эта тенденция, наряду с расширением тематического круга жанра, повышает интерес к литературе в современном мире, где все внимание уделяется материальной стороне жизни.

Несмотря на популярность акта невидимости в научно-фантастическом жанре, а также научное определение его интеллектуальной необходимости, этот мотив не вошел в художественную проблематику национальной литературы. Только некоторые писатели постарались заполнить эту пустоту в художественном процессе с неомифологическим мышлением. Акт невидимости, описанный новатором Кямалом Абдуллоу в поэтико-философском аспекте, имеет особое значение в метафизическом мире.

В романе «Долина кудесников» способность к невидимости хоть и присуща некоторым существам, но мистическую суть этот мотив приобретает в основном в лице Невидимой Вершины. В отличие от научно-фантастических произведений, здесь мотив невидимости представлен в новом мистико-философском контексте. Играющая роль невидимой завесы между реальным и ирреальным миром, Невидимая Вершина объединяет в себе особенности обоих миров. Невидимость приближает ее к ирреальной действительности, снегопад или восхождение по ней кого-то вверх – к реальному миру. Невидимая Вершина – также локальный показатель: долина Кудесников начинается у подножия этой волшебной вершины, и отсюда же берет свое мистическое начало. Мифическая суть вершины конкретизируется важной функцией в долине Кудесников: Невидимая Вершина будто стоит на страже у ворот долины Кудесников, не дает смешаться ее волшебному, загадочному миру с действительностью.

В романе говорится, что Белый дервиш родом из так называемой Невидимой местности. Также

для указания местоположения Невидимой местности называется Невидимая Вершина. В рассказанной Сеид Сары истории отмечается, что неподалеку от этого мистического объекта находится невидимая страна: «Отсюда далеко-далеко есть одна загадочная страна, в определенный период она видима, в другой период опять невидима, и никто не знает, куда девается такая страна, такое количество сел, городов, дорог, троп, домов. Но вскоре пять, десять, пятьдесят лет спустя, когда она становится видимой, жизнь там протекает своим чередом, будто она и не исчезала. Население этой страны и само не знает, когда она исчезает, прячется ли она на небесах или на земле, и когда становится видимой вновь» [1, с. 122].

Несмотря на то, что в романе процесс появления и исчезновения загадочной страны не раскрывается, но в разъяснениях, данных кудесником Сяйахом, затрагиваются интересные нюансы. Эти описания синтезируют модели мифологического мира писателя с достижениями современной квантовой физики. В отличие от классической теории, современная физика считает, что потенциальные явления и сущности выявляются в квантовой сфере. Сообщается, что только наблюдаемые вещи, события, выходя за пределы квантовой сферы, воспринимаются органами чувств. Когда же «наблюдаемый эффект» отсутствует, все возвращается в квантовую сферу. Информация, данная о существовании невидимой страны в романе «Долина кудесников», формируя первичное впечатление этих научных знаний в понимании читателя, расширяет горизонты мышления.

Долина Кудесников – мистический мифопоэтический образ. Как и Невидимая Вершина, долина Кудесников – это мифопоэтический образ, являющийся центральным понятием в сюжетной линии. В романе изображенная яркими цветами долина Кудесников своей социально-общественной сущностью рисует контуры утопического общества. Как и название долины, которая получила свое наименование от ее жителей, мистическая ее суть также взята у волшебников. Волшебники делятся между собой достижениями, помогают друг другу в сложных ситуациях. Эта чистая нравственность, бескорыстная помощь, чувство милосердия сопоставляются с поведением жителей реального мира: кудесники характеризуются как жители духовного мира, живущие выше долины люди – как жители материального мира. Равнодушие кудесников к материальному миру, их поклонение духовности – все это направляет мифологическое пространство в плоскость общественно-человеческих проблем.

Выделяются такие аспекты, как светская жизнь, душевная страсть, но в то же время указываются их пустота и бессмысленность. Обратившая на эту проблему внимание С. Шарифова характеризует долину Кудесников как коллективный образ и подчеркивает, что желание многих людей попасть в долину представляет это сакральное пространство как место спасения и последней надежды [3, с. 92].

В произведении настоящий мир и ирреальная действительность противопоставляются не только с духовной точки зрения, но и с точки зрения пространства. Мир, расположенный выше долины Кудесников, отличается непостоянным изменчивым климатом, здесь властвуют дожди, бури, ураганы, стойкие морозы. Утопическое пространство же ничего из этого к себе не пропускает.

Долина всегда утопает в весенней зелени, в любую пору года цветок зовет цветок, соловей – соловья. Когда один из кудесников покидает это сакральное пространство, в долине образуется дыра, через которую в нее проникают морозы из другого мира. Жители долины, объединившись, с трудом замуровывают эту дыру. У людей реального мира все эти волшебства, необычные способности кудесников вызывают неопределенность и страх. Поэтому никто, кроме тех, кто забрал волшебника, к этому загадочному пространству подходить не хочет. Кудесники же, живя в своем сакральном мире, игнорируют мир с другой стороны, не обращают внимания на тех, кто живет выше долины.

В другом описании говорится, что собравшись в долине кудесники построили круг тьмы. В пересказе Сеида Сары отмечается, что кудесники в полную силу стараются покрыть мир мраком. Если они смогут сомкнуть круг тьмы, то мир погрузится во мрак. В этом контексте отношение к жизни Белого дервиша и Сеида Сары, их религиозно-философские видения противопоставляются в плоскости оппозиции Добра-Зла. Несмотря на то, что здесь борьба между двумя противоположными полюсами творения представлена в отличном смысле, жизнь не представляется как единство противоположностей. Вообще изображение реальности как полярного или однополюсного мира, игнорирование его разнообразия – черты, чуждые творчеству Кямала Абдуллы, эта концепция наиболее выпукло выражена в романе «Долина кудесников».

В романе «Долина кудесников» писатель подробно рассказывает о времени уединенности, которое он часто вспоминает в своем творчестве. Писатель, выделяющий это понятие как замкнутость в себе, внутреннюю свободу, самостоятель-

ность, счастье, утверждавший в одном из своих интервью, что и сам пребывал в этом состоянии, отмечает, что не каждому суждено войти во время уединенности. Человек может быть одинок, может быть отрешенным, но время уединенности – совершенно иное понятие. Это чувство невозможно описать, очень трудно передать словами [6].

В романе «Долина кудесников» время уединенности, наряду с указанными особенностями, также завернуто в сакральное покрывало. В произведении каждый волшебник, уйдя в себя, в течение дня час или два пребывает в уединении, тем самым изолируется от внешнего мира. В момент уединения каждый кудесник сбрасывал с себя волшебство, становясь при этом бессильным как младенец. Все, что происходило в этот святой момент, впоследствии забывалось.

Эти описанные моменты близки к характерному для основных направлений индийской йоги и буддизма понятию медитации, при изображении этого обряда писатель добавляет ему своеобразных красок. Медитативные методы известны в суфизме, религиозно-философском учении исламского мира. Поэтому присутствие суфийской философии в тексте романа «Долина кудесников» позволяет утверждать, что время уединенности с точки зрения генезиса, скорее, соотносится не с индийской йогой и буддизмом, а с суфийским религиозно-философским течением.

Моменты в романе «Долина кудесников», связанные с шаманством. Роман «Долина кудесников» привлекает внимание и тем, что является единственным литературным произведением, в котором шаманство как отдельное мировоззрение, мифо-ритуальная практика изображается в художественно-эстетической форме. Шаманство в научно-теоретической мысли долгое время рассматривалось как не присущее национальной культуре мировоззрение. В исследованиях концептуальные основы этой религиозно-мифологической системы относились к поверьям, присущим народам Алтая и Сибири, тогда как место шаманизма в национально-культурном мышлении определено не было. Именно по этой причине в азербайджанской литературе число художественных произведений, связанных с шаманской моделью мира и шаманами, ограничено. Например, несмотря на то, что в романе Ю.В. Чемензаменли «Девичий родник» (1934) [7, с. 345–450] элементы и факты, связанные с шаманством и шаманскими обрядами, вызвали большой интерес, в дальнейшем эта тенденция не получила своего развития.

Связанный с мифическими представлениями, «шаманизм, сформированный на синкретической

основе, стал продуктом самостоятельной деятельности отделившихся друг от друга первобытных понятий, новым результатом в поисках осознания людей самих себя и сущностей» [8, с. 258]. На самом деле международный термин «шаманизм» у тюркских народов передается понятием “kam”, или “qam”. Камы, или гамы (в международном понимании шаманы – С.Г.), – это личности, связывающиеся с духами в состоянии экстаза, прогоняющие злых духов, исцеляющие от болезней, гаданием предрекающие будущее [9, с. 155].

В романе, в котором шаманизм представляется как отдельное мировоззрение, дается информация о мире душ. Указывается, что еще до рождения у людей бывает душа. В ожидании своей очереди рождения они входят в контакт с людскими душами, которые уже прожили жизнь, стараются с большим воодушевлением и верой узнать о мире. Души «после их рождения забывали все, что они имели и что с ними происходило по ту сторону» [1, с. 62]. В то же время души все забывали и при переходе в иной мир. Только когда они вновь призывались для рождения, они припоминали все, что знали о мире. В романе сказанные волшебником Сяяхом эти мысли о душах, о реинкарнации могут восприниматься в некоторых случаях как открытие, однако здесь подчеркивается: как человеку невозможно постичь силу Творца, также невозможно ему осознать сущность души.

В романе «Долина кудесников» одним из интереснейших моментов являются мистико-философские размышления Белого дервиша, связанные с душами. В отличие от волшебника Сяяха, Белый дервиш, утверждающий, что «наша душа находится далеко от нас», мечтает соединить душу с телом: «Если я смогу вернуть сюда души, тогда в землю, гору, камень, то в каждое живое существо, в каждый организм вдохнется жизнь, в мир придет новая сила. Мир, заставивший исчезнуть души, обессилен. Другие миры, полные душ, ведут с нами борьбу, но мы этого еще не понимаем. Мы выдерживаем эту борьбу благодаря нашим душам» [1, с. 138].

Выводы. Роман «Долина кудесников» – яркий образец современной прозы, связанный с мифопоэтическим мышлением. Возвысив мифическую поэтику на новый эстетический уровень, автор в романе «Долина кудесников», наряду с описательной динамикой, показывает мистические моменты, острые психологические ситуации. В романе архетипические образы из фольклора, атрибуты из архаического мышления, развиваясь, осмысливаются через эстетические идеалы писателя, раскрывают суть, скрытую в глубинных пластах настоящих реалий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Кямал Абдулла. Долина кудесников (роман). Баку : Мутарджим, 2006. 224 с.
2. Рустам Кямал. Кямал Абдулла: От письма к мифу. Баку : Мутарджим, 2011. 116 с.
3. Шарифова С. Роман постмодерна в современном Азербайджане. Баку : Наука и образование, 2015. 104 с.
4. Азербайджанская литература периода независимости. В 2-х томах. Том II. Баку : Наука и образование, 2016. 1088 с.
5. Митио Каку. Физика невозможного / Пер. с англ. Москва : Альпина нон-фикшн, 2009. 456 с.
6. Абдулла Кямал. Неоконченная рукопись. Баку : XXI YNE, 2004. 288 с.
7. Юсиф Везир Чемазминли. Произведения. В трех томах. Том II. Баку : AVRASIYA PRESS, 2005. 664 с.
8. Кафарлы Рамазан. Азербайджано-тюркская мифология. Баку : Изд. АГПУ, 2010. 405 с.
9. Энциклопедия Китаби Деде Коркуд. В двух томах. Том II. Баку : Дом новых изданий, 2000. 568 с.

УДК 821.111

DOI <https://doi.org/10.32782/tps2663-4880/2019.10-2.26>

СПЕЦИФИКА ОСТРОВНОГО ХРОНОТОПУ В АНГЛИЙСКИХ ХУДОЖНИХ ТЕКСТАХ ПЕРШОЇ ПОЛОВИНИ ХХ СТ.

THE SPECIFICITY OF THE "ISLAND" CHRONOTOPE IN THE ENGLISH WORKS OF THE FIRST HALF OF THE XXth CENTURY

Лозенко В.В.,

*orcid.org/0000-0003-1248-0534**кандидат філологічних наук,**доцент кафедри латинської мови та медичної термінології
Харківського національного медичного університету*

У статті вивчено специфічні особливості острова: великий/малий, живописний/неживописний (бідна флора і фауна) у найвідоміших творах англійської літератури першої половини ХХ ст.: «Фрейя Семи островів», «Перемога» Дж. Конрада, «Острів фарисеїв» Дж. Голсуорсі, «Місяць і шеляг» В.С. Моема, «Простак із Несподіваних островів» Б. Шоу, «Містер Блетуорсі на острові Ремполі» Г. Уеллса, «До маяка» В. Вулф. Авторська специфіка образу «острів» досліджується в різних літературних парадигмах – реалізмі, неоромантизмі, модернізмі, в яких острівний образ набуває нових інтерпретацій. Представники різних літературних парадигм додають нові ідеї до острівного образу (наприклад, острів як місце для створення нового суспільства, нової цивілізації і навіть нової раси людей у творах «Містер Блетуорсі на острові Ремполі» Г. Уеллса і «Простак із Несподіваних островів» Б. Шоу) і також надають нових значень до вже відомих ідей (створення нових цінностей), символів (символ човна / корабля, води).

Топонімічна острівна специфіка відображає внутрішній світ особистості і формує метафору «людина-острів». Острівний образ представлено не тільки як географічну категорію, але й як персоніфікацію власного «я» людини, що продемонстровано в потязі до ізоляції та усамітнення. Острів сприймається як ілюзія, що відображає неможливість винести ізоляцію (Г. Уеллс), внутрішні протиріччя (Дж. Конрад) або депресію (Б. Шоу, В. Вулф). Острівний образ, створений Дж. Голсуорсі і В.С. Моемом, має інші функції. Образ острова в романі В.С. Моема порушує проблему міжкультурної комунікації. Острівний образ в інтерпретації Дж. Голсуорсі виявляє острівний снобізм англійців та їхню тенденцію до консерватизму (Холм-Окс як метафорична персоніфікація снобізму англійців). Назва «Острів фарисеїв» описує не тільки географічне положення країни, але й духовно обмежену цивілізовану Англію з її «острівним» упередженням. Острів у романі Дж. Голсуорсі відображає вузькі погляди англійців.

Опис острова як ілюзії, де навіть ідеальна особистість не може врятуватися від самотності, або острів як місце для порушення проблеми острівного снобізму – це специфічна риса острівного образу в англійській літературі першої половини ХХ ст. Ця риса виявляє депресивний стан людини. Крім того, ця риса репрезентована за допомогою опису топонімічних особливостей острова та часу.

Ключові слова: хронотоп, острівний образ, персоніфікація, ізоляція, депресія, внутрішній світ особистості, географічна категорія.

The specific peculiarities of the island (big / small, picturesque / non picturesque (poor flora and fauna) are studied in the most famous works of the English literature of the first half of the XX century: "Freya of the Seven Isles", "Victory" by J. Conrad, "The Island Pharisees" by J. Galsworthy, "The Moon and Sixpence" by W.S. Maugham, "The Simpleton of the Unexpected Isles" by B. Shaw, "Mister Blettsworthy on Rampole Island" by H. G. Wells, "To the Lighthouse" by V. Woolf. The author's specificity of the image "island" is examined in different literary paradigms: realism, neoromanticism, modernism in which the island image gets new interpretations. The representatives of different literary paradigms add new ideas to the island image (for example, island as a place for creating a new society, new civilization and even a new race of people in the works "Mister Blettsworthy on Rampole Island" by H.G. Wells and "The Simpleton